

Маленький Сун Чжэнь хотел проверить, как Тан Чжао устроилась в их доме, но, увидев её с тёмными кругами под глазами, сразу же поинтересовался:

— Брат Тан, ты плохо спала прошлой ночью?

Теперь, глядя на него, Тан Чжао испытывала невероятно сложные чувства. Раньше она могла убедить себя, что этот ребёнок не имеет отношения к Минда, и относилась к нему спокойно. Но вчера Минда сама признала, что это её сын, и чувства Тан Чжао к Сун Чжэню мгновенно изменились. Возможно, в них было немного любви, но больше всего — горечи и печали, которые заставляли её грустить при одном взгляде на мальчика.

Не решаясь смотреть на Сун Чжэня, чтобы не выдать своих чувств, Тан Чжао слегка отвернулась и ответила:

— Да, немного не выспалась. Наверное, ещё не привыкла к новому месту.

Сначала Сун Чжэнь не заметил ничего странного и даже, как хозяин резиденции, попытался утешить Тан Чжао. Но когда он говорил с ней, а Тан Чжао всё время отводила взгляд, мальчик начал замечать что-то неладное. Он наклонил голову и с недоумением посмотрел на Тан Чжао:

— Брат Тан, ты сегодня какая-то странная. Почему ты не смотришь на меня, когда я с тобой говорю?

Его вопрос был прямолинейен, но Тан Чжао отмахнулась:

— Я плохо спала, и от взгляда вниз у меня кружится голова.

Сун Чжэнь не сомневался в её словах, но, подумав о своём росте, с досадой надул щёки. Тан Чжао, случайно увидев это, снова почувствовала горечь, потому что в её воспоминаниях маленькая принцесса часто делала так.

Сегодня она, видимо, не сможет относиться к Сун Чжэню как обычно. Осознав это, Тан Чжао быстро нашла предлог, чтобы попрощаться. Мальчик, однако, был тактичен и ничего не сказал, но перед уходом Тан Чжао добавила:

— Я больше не учусь в Академии Красного Клена, так что в следующий раз называй меня не братом, а главным секретарём.

Сун Чжэнь удивился:

— Почему нужно менять обращение? Главный секретарь звучит не так тепло, как брат.

Тан Чжао не хотела никакой теплоты. Её едва стабилизировавшееся настроение снова пошатнулось, и она поняла, что больше не хочет видеть Сун Чжэня. Не желая ничего объяснять, она просто проводила мальчика.

Проведя полдня в одиночестве в Дворе Бегоний, Тан Чжао решила выйти прогуляться. После объявления результатов экзаменов прошло несколько дней, а она ещё не поблагодарила учителей в Академии Красного Клена. Это был подходящий момент. Кроме того, нужно было обсудить свои планы, ведь она больше не будет учиться, и нельзя просто исчезнуть без объяснений. И там, где они с Минда больше не будут часто видеться, можно было бы встретиться.

Отложив в сторону все эти мучительные мысли и не желая так скоро снова сталкиваться с Минда, Тан Чжао поняла, что у неё ещё много дел. Но на первом же шаге она столкнулась с препятствием...

Охрана резиденции принцессы остановила её у ворот, официально заявив:

— Приказ принцессы: главный секретарь сегодня не может покинуть резиденцию.

Тан Чжао почувствовала, как в груди застрял комок гнева, но с трудом сдержалась и спросила:

— Почему?

Охранник взглянул на неё, сохраняя официальный вид, и покачал головой:

— Не знаю, главный секретарь. Вы можете спросить у принцессы.

Тан Чжао была вне себя, ей хотелось просто прорваться, но, взглянув на восемь латников у ворот и на своё хрупкое тело, она смирилась.

Она раздражённо развернулась и ушла, но идти к Минда с вопросами, конечно, не стала.

В отличие от Тан Чжао, Минда спала спокойно всю ночь, и даже если ей снились сны, они были радостными, как в детстве.

Проснувшись, Минда была в хорошем настроении, но, увидев за завтраком Сун Чжэня, она немного сдержала свою радость. Вчера, чтобы подразнить Тан Чжао, она прямо сказала, что Сун Чжэнь — её сын, и теперь понимала, что это было неосторожно. Ведь если Тан Чжао действительно была Сун Тин, то Сун Чжэнь становился явным доказательством её предательства?!

Минда ясно понимала их отношения. Это не была просто дружба или привязанность между братом и сестрой. Она действительно любила Сун Тина. Их детская дружба, юношеская влюблённость — все эти чувства до сих пор не угасли.

Даже после смерти Сун Тина, даже скрывая свою истинную природу, она не могла просто забрать своё сердце обратно.

Теперь, когда её возлюбленный вернулся, но у неё был сын, да ещё и под именем посмертного ребёнка Сун Тина, Минда понимала, как тяжело это для Тан Чжао. Особенно после того, как она сама это признала!

Чем больше она думала, тем больше беспокоилась. Минда подозвала служанку и тихо отдала приказ.

Служанка, выслушав, немного удивилась, но не стала спрашивать и ушла, чтобы передать приказ не выпускать Тан Чжао из резиденции.

Маленький Сун Чжэнь ничего не заметил, позавтракал как обычно и сказал Минда:

— Мама, брат Тан только что приехал в нашу резиденцию. Интересно, как он устроился. Я хочу его навестить.

Минда сначала хотела остановить его, но потом передумала и отпустила.

Мальчик вернулся довольно скоро и выглядел подавленным.

Минда, увидев его, даже не стала спрашивать, что произошло, и поняла, что Тан Чжао действительно переживает. Она была немного рада, потому что переживания означали, что она всё ещё заботится. Если бы Тан Чжао была равнодушна или относилась к ней как к сестре, она бы не стала переживать из-за Сун Чжэня, а, наоборот, полюбила бы его как своего. Значит, раньше она просто притворялась, а в критический момент готова была отдать за неё жизнь!

Убедившись, что Тан Чжао действительно Сун Тин, Минда, однако, не стала вызывать её для допроса, боясь слишком давить. В конце концов, пока Тан Чжао оставалась в её резиденции, у них было время разобраться во всех этих путаницах.

Принцесса терпеливо ждала до полудня, когда ей сообщили, что Тан Чжао вернулась, не выйдя за ворота.

Минда облегчённо вздохнула, боясь, что Тан Чжао решила уйти в гнев, и после обеда сама вызвала её к себе.

На этот раз Тан Чжао, увидев Минда, уже не скрывала своих сложных чувств, потому что после ночи размышлений она поняла, что если Минда что-то решила, то её попытки скрыть правду бесполезны. Поэтому она прямо спросила:

— Зачем вы меня вызвали?

Минда указала на документы:

— Я вызвала главного секретаря для работы.

Её серьёзный тон застал Тан Чжао врасплох. Увидев гору бумаг на столе, она невольно нахмурилась:

— У вас каждый день столько работы?

Минда кивнула. На самом деле, не все эти дела требовали её личного участия, многие вопросы решались чиновниками. Но сейчас, когда император был слаб, брат и сестра боялись усиления влияния министров и старались держать власть в своих руках. Даже если не все дела решались лично, они хотели быть в курсе всего, поэтому документов для ознакомления было особенно много.

Тан Чжао считала, что это перебор. В конце концов, Минда была всего лишь принцессой:

— Я хотела спросить вчера: зачем вы занимаетесь этим? Разве это не дело императора?

Минда посмотрела на неё и не стала скрывать:

— Император болен, и мне приходится брать это на себя.

Тан Чжао слышала о болезни императора после своего возрождения, но думала, что слухи преувеличены. Однако, судя по ситуации, здоровье императора было хуже, чем она предполагала.

Тан Чжао помнила, каким энергичным был наследный принц в прошлом, и не могла представить его больным и слабым.

Помолчав, Тан Чжао больше не спрашивала и подошла:

— Тогда я помогу вам разобраться с этими делами.

Её спокойствие застало Минда врасплох. После вчерашнего, особенно после истории с Сун Чжэнем, она ожидала, что даже без прямых вопросов их встреча сегодня не будет такой спокойной.

Это спокойствие заставило Минда немного нервничать. Когда Тан Чжао проходила мимо, она схватила её за руку:

— Тебе больше нечего мне сказать?

Тан Чжао обернулась:

— Что вы хотите, чтобы я сказала? Спросила, почему вы не разрешаете мне уйти?

Минда поняла, что она злится, и смягчила голос:

— Я просто боялась, что ты уйдёшь без предупреждения...

Тан Чжао не думала уходить без предупреждения. Хотя история с Сун Чжэнем действительно её огорчала, она странным образом не хотела уезжать. Возможно, она хотела больше объяснений, а может быть, просто не могла расстаться.

<http://bllate.org/book/15453/1370973>